

РУССКАЯ ТЕМА В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-22-30

© В. Е. БАГНО

РУССКАЯ ТЕМА И РУССКИЕ ТЕМЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ)

Одним из самых распространенных и очень живучих предубеждений является мнение о вреде для научного знания мифов и стереотипов о странах и народах, бытующих среди представителей других стран и народов. Тема «Россия и русские в зарубежной художественной литературе» дает богатейший материал, значение которого для гуманитарной науки трудно переоценить.

Научная литература о русской теме в мировой литературе, различных ее аспектах, периодах и конкретных эпизодах — необъятна. Признанным авторитетом в этой области гуманитарного знания был академик М. П. Алексеев, один из самых выдающихся литературоведов XX столетия, для которого компаративистика была наукой о взаимном ознакомлении народов. Представляется возможным наметить, опираясь на работы Алексеева, основные хронологические вехи в истории формирования представлений о России и русских в зарубежной литературе, прежде всего в литературах Запада.

Вне всякого сомнения, хронологически первым, в дальнейшем сопутствующим всем другим, является обращение к Киевской Руси, позже Московии, как к экзотической стране, мотивированное теми или иными прагматическими или эстетическими целями. Так, еще в XIII веке Раймунд Ллудлий в «Книге об Эвасте и Бланкерне» приветствует Деву Марию от имени всех инакомыслящих, в том числе «русских» (*rossos*), поскольку считает себя их «поверенным».¹

Задолго до петровских реформ Московия и происходившие в ней события, обраставшие полуфантастическими описаниями и подробностями, становились известны благодаря упоминаниям о них в книгах величайших писателей XVI–XVII веков: «Опытах» М. Монтеня,² «Напрасных усилиях любви» У. Шекспира, «Великом князе Московском» Лопе де Веги³ и других пьесах «испано-славяки»,⁴ «Потерянном Рае» Дж. Мильтона,⁵ издававшихся впоследствии миллионными тиражами и переведенных на все основные языки мира.

Вспомним, что в «Зимней сказке» Шекспира Гермiona оказывается дочерью русского царя:

¹ См.: *Llull R. Libre de Evast e Blanquerna*. Barcelona, 1947. Vol. 2. P. 31.

² См. об этом: Алексеев М. П. Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 21–42.

³ Подробнее об этом см.: Алексеев М. П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западно-европейской драме // Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. М., 1987. С. 362–401.

⁴ См.: Балашов Н. И. Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1975.

⁵ См.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века // Лит. наследство. 1982. Т. 91. С. 40–44.

Моим отцом
Был русский царь. Когда б он жил еще
И видел суд над дочерью любимой,
Он взором сострадания, но не мести
Измерил бы всю горечь мук моих.⁶

Среди ранних стереотипов, наследуемых на протяжении нескольких веков, не последнее место занимает убеждение в авторитарной природе власти в России. Так, герой одного из интимных сонетов Филиппа Сиднея славит свою возлюбленную, рабом которой он себя ощущает, неожиданно сравнивая себя с холопом московского царя, находящего радость в своем униженном подневольном положении:

А ныне, волю утерав свою,
Как москвит, родившийся рабом,
Хвалу я тирании воздаю,
И тщетно силюсь гибнущим умом
Увериться, что все пойдет на лад,
С уменьем жалким свой рисуя ад.⁷

Устойчивым стереотипом представлений о России является своеобразное поведение русского человека в условиях русской зимы, дремучих лесов, морозов и бескрайних снежных просторов. Весьма показательной в этом отношении является поэма Р. Браунинга «Иван Иванович». В 1834 году этот английский поэт побывал в России, а в 1870-х годах опубликовал поэму, основанную как на вымысле, так и на русских реалиях. М. П. Алексеев доказывает, что не было ничего специфически «русского», ни в бытовом, ни в экзистенциальном, ни в литературном плане, в жуткой истории о матери, которая бросает волкам одного за другим своих троих детей, чтобы уйти от погони, и которую муж, узнав, какой ценой она осталась жива, убивает.⁸

Наконец, в принципе русская «нота» оказывается в западноевропейской литературе начиная с конца XVIII — начала XIX века вполне ожидаемой, наряду с несколькими другими. Так, вполне предсказуемо появление русской героини в разноплеменном (немцы, австрийцы, русские и т. д.) символическом сообществе пациентов санатория для больных туберкулезом, своеобразной модели Европы накануне Первой мировой войны, в романе Т. Манна «Волшебная гора». С образом Клавдии Шоша, в которую влюбляется не только главный герой, но и другие больные, связана тема любви.

В то же время помимо русской темы как «экзотики», у которой тоже были свои веки и этапы, мировая, прежде всего европейская, литература, в которую русская культура вписана особенно безоговорочно, демонстрирует сменяемость вполне конкретных «малых» тем русской темы, одну другой в одних случаях или, по крайней мере, их сосуществование в других.

Пьеса Лопе де Веги «Великий князь Московский» открывает длинный и блистательный ряд произведений мировой литературы, в которых с тех или иных позиций, с того или иного «голоса» трактуются события Смуты, взаимоотношения России и Польши, феномен самозванства. Авторами этих произведений, кроме Лопе, оказались Сумароков, Кюцебу, Шиллер, Пушкин, Островский. М. П. Алексеев утверждал: «Интересующий нас сюжет о Дмитрие

⁶ Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 52 (пер. В. Левика).

⁷ См.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи. XVIII век — первая половина XIX века. С. 22 (пер. Ю. Ременниковой).

⁸ Алексеев М. П. Роберт Браунинг и его русские отношения // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998. С. 245–270.

Самозванце и Борисе Годунове по своему международному распространению и обилию вызванных им драматических обработок принадлежит именно к таким периодически обновлявшимся сюжетам, интерес к которым не мог быть исчерпанным до конца, потому что сюжет этот постоянно воскресал в новой оболочке, а идейную жизнь давали ей многообразные поводы западноевропейской общественной и интеллектуальной борьбы между XVII и XX вв.»⁹

Тем самым Лжедмитрий, которого на Западе, как правило, считали законным претендентом на московский престол, стал одним из мировых образов, в какой-то мере соотносимых с такими более громкими и значимыми для культуры вечными типами, как Прометей, Медея, Эдип, Каин, Иуда, Агасфер, Дон Жуан, Фауст, Дон Кихот, Гамлет. Впрочем, очевидно, что, строго говоря, речь должна была бы идти о двух образах: Димитрии и Лжедмитрии, при четком понимании того обстоятельства, что мотивы мифа об отвоёванном королевстве и мифа о самозванце корнями уходят в богатейший сказочный и новеллистический фонд как Западной Европы, так и России, и даже глубже — в эллинистический роман и мифы Древней Греции.

Важнейшей вехой после событий Смутного времени, которые вызвали огромный интерес и немалые надежды в Западной Европе, является эпоха петровских реформ, сформировавшая однозначно позитивный образ России. Большой резонанс во всей Европе имел диалог французских энциклопедистов с Екатериной II; его кульминационной точкой стала «История Российской империи при Петре Великом» (1759–1763) Вольтера, о которой М. П. Алексеев писал: «По замыслу Вольтера, личная история царя Петра должна была предстать перед читателями обрамленной картинами тех перемен во внутреннем состоянии России, которые произведены были его преобразованиями <...> Это был не только значительный шаг вперед, это был новый этап исторической науки».¹⁰

Немаловажно, что в художественной литературе находили отражение геополитические успехи России, как, например, в поэме Байрона «Дон Жуан», одном из самых известных произведений мировой литературы, в которых воспеваются победы русского оружия при Екатерине II. При этом, описывая осаду и взятие русскими войсками Измаила, Байрон проявил удивительную осведомленность. Любопытно, что главным героем у него оказывается не Суворов, а Осип Михайлович Рибас.

Ну, словом, как ни славен этот бой,
Но было *что-то, где-то, почему-то*
Неладно: де Рибас, морской герой,
Настаивал на штурме, но ему-то
Все возражали; спор кипел большой.¹¹

Кстати, в восьмой песне речь снова идет о де Рибасе. Крепость была сдана турками именно ему. К нему же паша, командовавший осажденным в крепости гарнизоном, послал бея для согласования условий сдачи.

Подобная осведомленность свидетельствует о личных пристрастиях Байрона, его внимании к событиям в Восточной и Юго-Восточной Европе, закономерным финалом которого явилось участие в освободительной борьбе греков против турецкого владычества. Однако не меньше она говорит и об общем

⁹ Алексеев М. П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме. С. 374.

¹⁰ См., в частности: Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII в. // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 13–66.

¹¹ Байрон Дж. Г. Дон-Жуан // Байрон Дж. Г. Избр. произведения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 529 (пер. Т. Гнедич).

обостренном интересе в Западной Европе к перипетиям русско-турецких войн XVIII столетия, к неудержимому движению молодой Российской империи на Юг, к перспективам выхода России к Средиземному морю, захвата ею Стамбула и, возможно, даже переносу туда ее столицы.

В то же время полного единодушия уже не было, и снисходительное отношение соседствовало со скептицизмом или даже резкой критикой варварства, рядящегося в цивилизованные одежды. Наполеоновские войны стали точкой отсчета для двухполюсной модели самоидентификации России, которой в дальнейшем она уже не изменяла и которая вызвала обостренный интерес на Западе, поскольку свидетельствовала о том, что Россия не столь безоговорочно, как прежде, склонна считать присутствие в общеевропейском доме пределом своих мечтаний.

Долгую историю имеет многоаспектная тема участия России в наполеоновских войнах, в которой после появления романа Толстого «Война и мир» все последующие страницы прямо или косвенно будут на него ориентированы.

Любопытным примером бытования темы в массовой культуре высокого разряда в конце XX века является роман популярного испанского беллетриста А. Переса Реверте «Тень орла» (1993). Испанцы, оказавшиеся в России помимо своей воли в составе наполеоновской армии, творят историю как России, так и всей Европы (правда, не очень успешно и не очень долго). Ненавидя французов, испанцы безуспешно пытаются сдаться в плен, но русские казаки, одурманенные водкой, либо спят, либо отступают, либо, не слушая объяснений, нанизывают их на свои пики. В конечном счете едва ли не благодаря их безумному желанию дезертировать Наполеон вступает в Москву. Так, в далеко не лучшем романе испанского писателя нашел отражение известный параллелизм судеб двух европейских народов, оказавших сопротивление Наполеону. Самым, по-видимому, знаменитым (благодаря роману Толстого «Война и мир») высказыванием, сводящим Россию и Испанию воедино в связи со сходными историческими ситуациями — наполеоновскими войнами, — является ответ генерал-адъютанта Балашова Наполеону: «Прошу прощения у вашего величества, кроме России есть еще Испания, где также много церквей и монастырей», — ответ, намекавший на недавнее поражение французов в Испании.¹²

С другой стороны, для полноты картины необходимо упомянуть также тему декабристов, которая нашла отражение, в частности, в романе А. Дюма «Учитель фехтования», запрещенном в России при Николае I.¹³

Еще большего внимания заслуживает тема русских нигилистов, которые на протяжении последних десятилетий XIX — начала XX века время от времени появлялись на страницах западноевропейских романов, в том числе принадлежащих перу выдающихся писателей. Русские нигилисты становятся персонажами романа А. Доде «Тартарен из Тарраскона» (1872). О. Уайльд в 1881 году пишет пьесу на русскую тему «Вера, или Нигилисты». Весьма выразительный образ русского фанатика Суварина создает Э. Золя в романе «Жерминаль» (1885). В оде «Россия» (1890) А. Ч. Суинберн заклеил позором русское самодержавие, расправлявшееся с участниками революционного движения с помощью сибирской каторги и ссылки.

Триумфальное вступление русской армии в Париж, помощь, оказанная Россией, «жандармом Европы», Австрии в подавлении революции в Венгрии, разгром польского восстания, впоследствии — утверждение панславистской

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1932. Т. 11. С. 30.

¹³ Теме декабристов посвящены две замечательные работы М. П. Алексеева: «Немецкая поэма о декабристах» (Бунт декабристов: Юбилейный сб. 1825–1925. Л., 1926. С. 372–382) и «Английские мемуары о декабристах» (Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. С. 330–340).

доктрины, притязания России на Константинополь, активно обсуждавшиеся в прессе, а в XX веке — большевистский переворот, сталинские репрессии, советские танки в Чехословакии — все это были, с точки зрения политиков, публицистов и мыслителей Запада, звенья одной цепи, обусловившие формирование мифа о русской угрозе, представления о полуазиатской стране, предназначение которой — потопить в крови ослабевшую, отказавшуюся от своих вековых устоев европейскую цивилизацию.

Образ России как «бича народов», страны, готовой казацкой плеткой пресекать стремление к свободе не только в Польше, но и во всей Европе, перекочевал из Франции в другие страны Европы, с которыми у России были менее тесные отношения, породив при этом, впрочем, такую чрезвычайно оригинальную версию того же, в основе своей, образа, как в стихотворении самого известного испанского романтика Х. де Эспронседы «Песнь казака», написанном, по всей вероятности, в 1831 году и опубликованном в 1838-м. Если отношение Эспронседы к Европе неоднозначно (элегия и, одновременно, анафема), то неоднозначно оно и к казакам (анафема и, одновременно, восхищение молодой, разрушительной стихией).

1900 годом датируется принадлежащий перу Бальмонта перевод «Песни казака» Эспронседы, в котором по не вполне понятной причине русский поэт несколько смягчил презрительный антиевропейский антибуржуазный пафос стихотворения.

В оригинале:

¿veis esas tierras fértiles?, las pobla
gente opulenta, afeminada ya.¹⁴

В переводе:

Вы видите пажити, всё их раздолье?
Богатство беспечных нас ждет на пути.¹⁵

Вместо «дряблых» и «женоподобных» европейцы оказываются всего-навсего «беспечными».

В другом месте в оригинале:

Y nuestras madres nos verán triunfantes,
y a esa caduca Europa a nuestros pies.¹⁶

В переводе:

И смелых увидят нас матери наши,
Европу, склоненную к нашим ногам.¹⁷

То есть «дряхлая», «неможная» Европа оказывается у Бальмонта Европой без эпитета.

Весьма выразительные примеры традиционных для Англии антирусских настроений мы обнаруживаем в творчестве Кипплинга. Так, в романе «Ким» действуют карикатурные русские шпионы, а в рассказе «Человек, который был», показывая поведение русского офицера Дирковича, оказавше-

¹⁴ *Espronceda J. de. Poesías completas.* Barcelona: Ed. Brugera, 1968. P. 103.

¹⁵ Цит. по: www.vekperevoda.com/1855/balmont.htm; дата обращения: 30.04.2019.

¹⁶ *Espronceda J. de. Poesías completas.* P. 104.

¹⁷ Цит. по: www.vekperevoda.com/1855/balmont.htm; дата обращения: 30.04.2019.

гося в расположении полка Ее Величества Белых Гусар, писатель подводит нас к мысли, что «Россия» есть «Россия», а «Запад» есть «Запад», но в отличие от «Востока» из известного его стихотворения «Баллада о Востоке и Западе» Россия пытается «притвориться» Западом, втайне сохраняя черты, особенности и нравы, недопустимые и неприемлемые для «Запада».

Впрочем, уже в начале XIX столетия, как следствие Великой Французской революции, параллельно со все новыми редакциями этой, первой по времени возникновения «русской идеи» Запада, стали появляться новые представления о России, в которых попытки понять загадочную русскую душу были неотторжимы от горьких раздумий о кризисе Европы.¹⁸ Европейцы с нарастающим интересом смотрели на Россию, которая, приобщившись к благам цивилизации, казалось бы, сохранила незыблемыми патриархальные устои и веру предков, и следование этому примеру может спасти Западную Европу. Великий русский роман, и прежде всего творения Толстого и Достоевского, имел для подобных представлений об особом предназначении России едва ли не решающее значение.¹⁹

Одним из первых проявлений этого извода «русской идеи» Запада можно считать повесть Кс. де Местра «Параша-сибирячка» (1815), в которой писателем-католиком создан образ православной святой. Исполненная высокого нравственного смысла судьба простой русской девушки Прасковьи Григорьевны Луполовой, которая отправилась из Сибири в столицу, чтобы добиться оправдания своего отца, осужденного по ложному обвинению, и затем, достигнув своей цели, ушла в монастырь, благодаря де Местру была на слуху во многих европейских странах. Под разными названиями повесть французского писателя переиздавалась в русском переводе на протяжении всего XIX столетия. Заслуживает также упоминания обращение к этой истории Г. Доницетти, опера которого «Восемь месяцев за два часа, или Ссылъные в Сибири (романтическая мелодрама в 3 актах)» с 1827 года время от времени звучит на сценах многих оперных театров мира.

В конце XIX — начале XX века представления о России как об «империи зла» соседствовали в западноевропейской публицистике и художественной литературе европейских народов с представлением о ней как о духовной родине. Среди тех художников Запада, кто в России нашел свою духовную родину, был Р. М. Рильке. Эту любовь Рильке пронес через всю жизнь, она выдержала даже такие испытания, как большевистский переворот. Признаваясь в 1901 году: «К числу сокровенных тайн и незыблемых опор моей жизни, коими я держусь, принадлежит то, что Россия — моя родина...»,²⁰ он и в 1920-е годы оставался верен любви, ставшей главным событием его жизни: «Чем только я ни обязан России, она сделала меня таким, каков ныне, из нее я вырос духовно, она — родина каждого моего побуждения, все мои духовные побуждения — там».²¹ Сотворенный Рильке образ России был для него неизмеримо дороже реальной России, открывавшейся ему во время путешествий и коренным образом менявшейся с ходом истории. Поэт признавался, что с детства присущая его душе набожность именно благодаря России обрела свой язык. Таковы прежде всего стихотворения, написанные от лица русского монаха, включенные во вторую часть книги «Часослов», «Книгу

¹⁸ См. об этом: *Багно В. Е.* Русская идея Запада (К постановке проблемы) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб., 2010. С. 5–25.

¹⁹ См., в частности, многие работы сборника «Толстой или Достоевский? Философско-психологические искания в культурах Востока и Запада» (СПб., 2003).

²⁰ Цит. по: Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. Азадовский. СПб., 2003. С. 510.

²¹ Там же. С. 6.

о житии иноческом», составленную вскоре после первого путешествия в Россию в 1899 году.

Но, погружаясь в себя до тьмы исподней,
я чую: ошупью Он ищет пищу —
мой Бог. Во мне темнея, словно в яме,
Он — молча алчущее корневище.
И попросту из темноты Господней
расту, на самом дне шурша ветвями.²²

Одной из локальных тем, хотя в общем контексте и немаловажной, был Лев Толстой, его биография, общественная позиция и учение. Весьма показательны в этом отношении рассказы «Граф плачет», «Графу снится», «Душа графа» (1911) испанской писательницы Э. Пардо Басан, автора книги «Революция и роман в России» (1887). Считая Толстого самым великим писателем современности, Пардо Басан в то же время пыталась предостеречь своих соотечественников от идей Толстого-проповедника, анархиста и религиозного мыслителя. Так, в рассказе «Граф плачет» мы находим несколько прямолинейное и наивное развенчание Толстого как реформатора крепостнической системы. Рассказ «Графу снится» также носит символический характер. Аллегория, заложенная в этом фантастическом рассказе, в котором, помимо Толстого, фигурирует Будда и некий языческий охотник, такова: недостаточно дать часть своего тела или крови из своего сердца, если хочешь стать спасителем человечества. Надо дать всего себя, без остатка.²³

Загадочная русская душа — постоянная тема западноевропейской художественной литературы после появления первых переводов русских романов, прежде всего романов Достоевского, на Западе. При этом писатели могли быть самыми выдающимися, а персонажи — самыми экзотическими, такие, например, как героиня «Орlando» В. Вулф, имя которой, как выяснил на беду себе полюбивший ее герой, — Маруся Станиловска Догмар Наташа Лиана из рода Романовых. Она — дочь посла Московии, побывавшая в Англии конца XVI столетия. Образ России в романе — фантастический и гиперболизированный, писательнице, разумеется, не приходило в голову стремиться к исторической точности и достоверности. Русская девушка прекрасно говорит по-французски, замечательно катается на коньках, ходит (как и все мужчины и женщины у нее на родине) в восточной одежде — в камзоле и шальварах. Блестящая, искрометная, независимая и язвительная, она представляет собой некую вполне оригинальную смесь героинь некоторых романов Достоевского, например Настасьи Филипповны и Аглаи. Вскружив Орlando голову, она так же исчезла из Англии и из судьбы героя, готового отправиться вместе с ней в ее варварскую Московию, как и попала в них.

В XX веке поляризация оценок и мнений о России и русских (октябрьском перевороте, Ленине, ГУЛАГе, Сталинградской битве, «успехах» в построении коммунизма) была столь же острой, как и в XIX-м, и с той же полнотой и разной степенью глубины находила отражение в публицистике и в художественной литературе.

Так, Х. Л. Борхес, в 1920–1921 годах начинающий аргентинский поэт, живший в ту пору в Испании, задумал книгу, посвященную революционным событиям в России, которая не состоялась, однако три стихотворения, написанные для этого сборника, сохранились. Спустя полвека, в 1970 году Борхес вспоминал: «Еще одна книга называлась „Красные псалмы“ или „Красные

²² Рильке Р. М. Часослов. СПб., 1998. С. 13 (пер. С. Петрова).

²³ Pardo Bazán E. Obras completas. Madrid, 1947. Т. 3. P. 395–397.

ритмы“. Это сборник верлибров, числом около сорока, в которых восхвалялись Русская Революция, братство людей и пацифизм. Три или четыре текста были опубликованы в журналах: „Эпос большевизма“, „Окоп“, „Россия“. Готовясь к отъезду, я уничтожил эту книгу. Мы собирались возвращаться на родину».²⁴

Приведу одно из этих стихотворений в своем переводе:

Слово о большевистских деяниях

Виадукри кряжистых плеч
с вросшими в них винтовками
Зарубцовываются баррикады на площадях
но вибрируют нервы
Выстрелы и крики взметнулись в небо гривой волос
Внутренними солнцеворотами выжжены черепа
Взнузданный гигантский собор-самолет
медленно опускается под треск лопающихся канатов
канделябром из тысяча и одного фаллоса
движется армия мачты и реи
а над ними бьющие вверх струи штыков
Знамя трепещет как кумачовая птица
над взъерошенной исступленной толпой.

Невозможно получить полное представление об отражении в литературе таких важных для истории России советского периода тем, как становление советской власти, ГУЛАГ, Сталинградская битва, не учитывая инациональные отклики на эти события, часть которых обладала незаурядными художественными достоинствами. Приведу лишь один, взятый наугад пример — стихотворение П. Неруды «Новая песнь любви Сталинграду» (1943):

Я говорил о времени и небе,
о яблоке, о грусти листопада,
о трауре утрат, дожде и хлебе,
но эта песнь — о стали Сталинграда.

<...>

И в час, когда навек замрет мой голос,
пускай осколок твоего снаряда
положат мне на гроб, а сверху — колос,
красный колос нивы Сталинграда.²⁵

Подводя итоги в статье «Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме», М. П. Алексеев пишет: «Наш обзор закончен. Возможны ли еще обновления сюжета о Дмитрие и Борисе — покажет будущее. Но уже теперь следует признать, что этот сюжет за свои трехвековые странствования по мировой литературе дал немало крупнейших драматических произведений огромного литературного значения. Вариации его были многочисленны и разнообразны — от обстановочных исторических драм с занимательной интригой к трагедиям большого философского смысла».²⁶ Этими же словами можно было бы охарактеризовать в целом все те художественные произведения, которые посвящены русской теме и русским темам в зарубежной

²⁴ Цит. по: *Balderston D. Políticas de la vanguardia: Borges en la década del veinte // Jorge Luis Borges: Políticas de la literatura / Instituto Internacional de Literatura Iberoamericana. Pittsburgh, 2008. P. 32.*

²⁵ *Неруда П. Новая песнь любви Сталинграду // Неруда П. Собр. соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 4. С. 152–155 (пер. С. Гончаренко).*

²⁶ *Алексеев М. П. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме. С. 401.*

художественной литературе. «Обновления сюжета», т. е. выявление и анализ новых фактов, имеющих отношение к огромному массиву литературных текстов на всех языках мира, в которых Россия и русские увиденны сквозь призму интересов, осведомленности и прозорливости различных народов, не прекращаются.

Помещенная далее небольшая подборка частных разысканий и неизданных материалов позволяет несколько расширить и уточнить наши представления о «русской теме» в немецкой, французской, английской и испанской литературах XVIII–XX веков.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-30-36

© М. Ю. КОРЕНЕВА

О РУССКИХ МОТИВАХ В БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЖАН ПОЛЯ

Жан Поль (Jean Paul (Richter), 1763–1832) принадлежит к тому поколению немецких писателей, которое было обречено на знакомство с Россией: всеевропейская война, начатая Наполеоном, неизбежно заставляла вглядываться в северного соседа, одного из участников «исторической драмы», разворачивавшейся на глазах у жителей германских земель. Не обошел своим вниманием русскую тему и Жан Поль, хотя она и прочерчена у него пунктиром.

Частные русские мотивы мелькают в письмах Жан Поля к разным корреспондентам на протяжении всей его жизни: то он сравнивает свое послание с длинными монологами из музыкальной драмы «Петр Великий, император Российский» («Peter der Große, Kaiser von Russland», 1780) лейпцигского теолога и поэта-сатирика К. Г. Хемпеля (Christian Gottlob Hempel, 1748–1824);¹ то пересказывает анекдот о Павле I, который якобы «сначала отдает все иностранные книги на перевод, чтобы потом их сжечь»;² то комментирует отступление французской армии из России и, не без сочувствия к французам, говорит об охвативших немецкое общество надеждах на скорую «оккупацию мягкими русскими»;³ то делится своими впечатлениями после прочтения книги математика, физика и астронома, бывшего профессора Дерптского университета И. В. А. Пфаффа (Johann Wilhelm Andreas Pfaff, 1774–1835) «Россия. Замечания немца, который прожил там пять лет» («Russland. Bemerkungen eines Deutschen, der fünf Jahre dort lebte», 1813);⁴ то сообщает о русских солдатах, которым он раздавал хлеб, табак и водку в ноябре 1813 года;⁵ то иронизирует по поводу «энтузиастического» внимания к своей особе со стороны высокого гостя из России — российского генерала герцога

¹ Письмо к И. А. Л. фон Эртелю от 5 декабря 1784 года (*Jean Paul. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe / Hrsg. von E. Berend. Berlin, 1956. Abt. 3. Bd. 1. S. 133*; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: SW, с указанием номера отделения, тома и страницы).

² Письмо к К. Отто от 5 декабря 1797 года (SW. Abt. 3. Bd. 3. S. 22). Здесь и далее перевод мой. — М. К.

³ Письмо к К. Отто от декабря 1812 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 307).

⁴ Письмо к И. Л. Шрагу от 5 февраля 1813 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 22).

⁵ Письмо к К. Отто от ноября 1813 года (SW. Abt. 3. Bd. 6. S. 350).